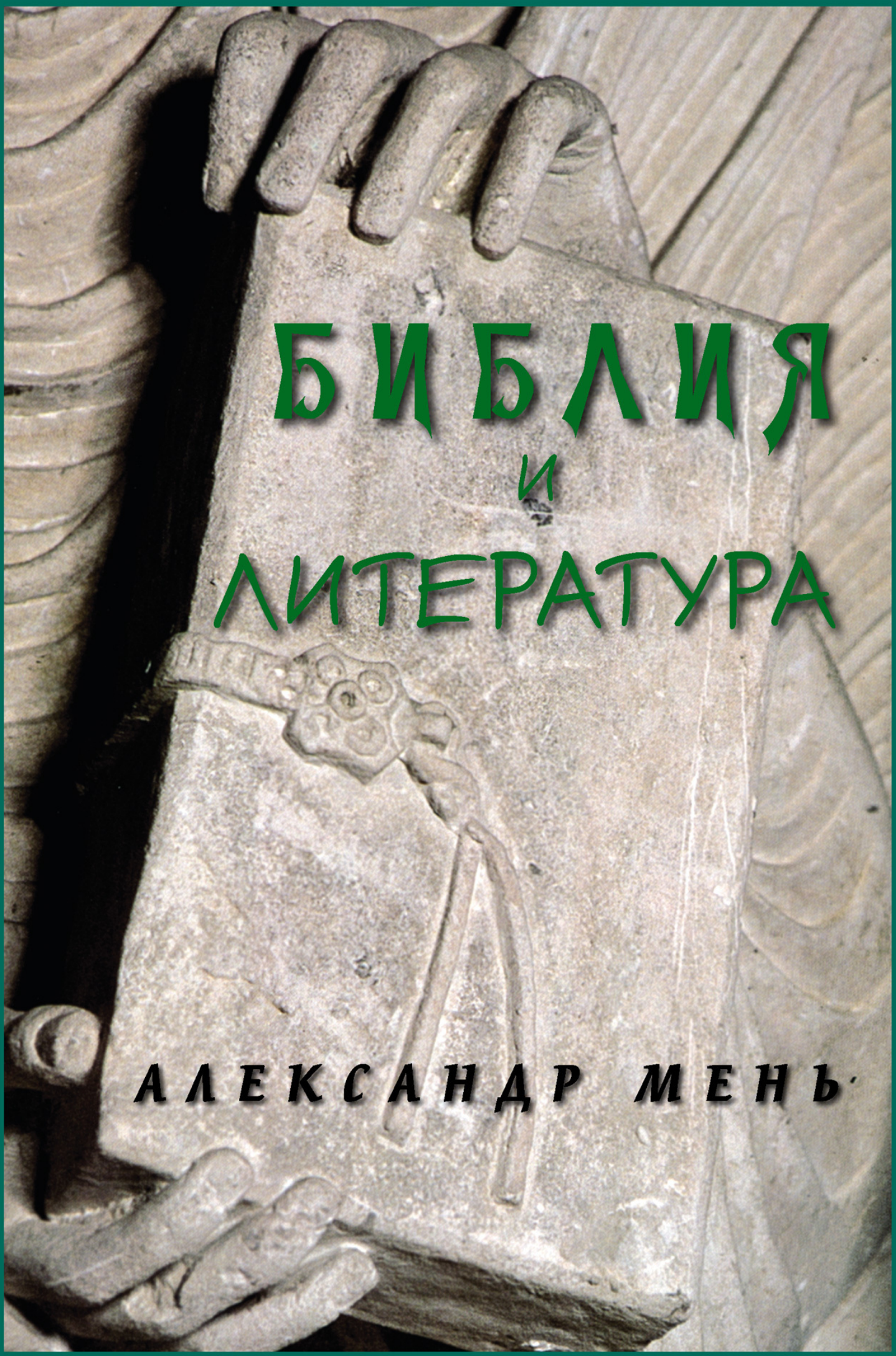


БИБЛИЯ И ЛИТЕРАТУРА

АЛЕКСАНДР МЕНЬ

Александр Мень

Библия и литература

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

2009

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Библия и литература / А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня», 2009

ISBN 978-5-903612-26-0

В мировую литературу всегда вовлечены самые важные волнующие людей темы. И она неодкратно обращалась к Священному Писанию. Охватить — великую тайну — двойственную богочеловеческую природу Священного Писания, отделить преходящую литературно-историческую плоть Библии от вечного его содержания — было под силу далеко не всем писателям и поэтам. Книга включает в себя лекции, прочитанные прот. Александром Менем в 1989–1990 г. Текст подготовлен по магнитофонным записям

УДК 2
ББК 86

ISBN 978-5-903612-26-0

© Мень А., 2009
© Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня, 2009

Содержание

Библия и апокрифы древности и средневековья 7
Библия и древнерусская литература 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Протоиерей Александр Мень
Библия и литература. Лекции

Памятник святым равноапостольным Кириллу и Мефодию в Дмитрове

Редакционная коллегия:
Роза Адамянц, Наталия Вторушина Наталия Григоренко, Павел Мень

Библия и апокрифы древности и средневековья

В мировую литературу всегда оказываются вовлечены самые важные, наиболее волнующие людей темы, сюжеты и образы. Поэтому неудивительно, что искусство и литература многократно обращались к Священному Писанию. И мы с вами сделаем лишь очень беглый обзор этого замечательно интересного и во многом поучительного процесса: как преломлялась Библия в творчестве поэтов, писателей, романистов, неизвестных и великих, знаменитых.

Самые ранние попытки художественно интерпретировать Библию, как бы дополнить ее беллетристическим образом, мы называем апокрифами. Слово *апокриф* имеет двоякое значение. С одной стороны, это слово означает книгу «спрятанную», «потаенную». Почему возникло такое название для этих произведений? Потому что они очень рано стали восприниматься как неортодоксальные, гонимые, неугодные тем или иным церковным направлениям; поэтому их уничтожали, а те, кому они нравились, их прятали, и получалась «потаенная» литература. Но есть и другая причина этому названию. Значительная часть апокрифов была создана людьми, которые предполагали, что в Библии, которую мы читаем, запечатлено лишь общенародное, так сказать, экзотерическое учение, а эзотерическое – тайное, глубинное учение – спрятано в особых откровениях, запечатленных вот в этих книгах, которые они называли *апокрифами.* В Древней Руси апокрифы назывались «отреченными книгами».

Поразительна живучесть этой литературы. Трудно даже поверить, что апокрифы, созданные за десятилетия и даже столетия до нашей эры на древнееврейском, арамейском и греческом языках, были потом переведены на армянский, грузинский, эфиопский, жили – имели долгую жизнь – в Древней Руси, через тысячелетие! Эта литература продолжала свое существование в самых разных культурах и цивилизациях.

Апокрифы стали появляться и в более позднее время. Мы знаем апокрифы XIX, XX вв.: «подложные» книги, те, которые выдавали себя за древние писания, которые их сознательно имитировали. Чтобы не заблудиться в этом море литературы, разделим все это на ясные, четкие рубрики.

Дохристианские ветхозаветные апокрифы – это книги, которые создавались преимущественно анонимными, неведомыми для нас авторами. Первые древние ветхозаветные апокрифы появляются около 190–170 г. до Р. Х. Многие апокрифы погибли, многие сохранились до нашего времени только во фрагментах, некоторые уцелели лишь в более поздних переводах, но все-таки это довольно богатая литература.

Что же представляют собой ветхозаветные апокрифы? Это книги, которые пытаются дополнить библейское сказание, развернуть то, что как бы сокрыто и спрятано в Библии. Тут работает и человеческое воображение, и глубокая любознательность, и какие-то новые доктрины, которые пытались себя как бы присоединить к потоку библейского учения. Достаточно бросить взгляд на некоторые из этих апокрифов. Перечислять их все я не буду. Важнейшие из них – апокрифы Еноха (это цикл апокрифических книг), «Книга юбилеев», «Завещание двенадцати патриархов», «Псалмы Соломона», «Кумранские псалмы». Множество апокрифов было найдено на берегах Мертвого моря в пещерах Кумрана и других поселениях древних аскетов ессейского типа.

Что такое апокрифы Еноха? Древний библейский писатель, который создал, так сказать, «построил» Книгу Бытия, хотел показать людям связь между поколениями и народами с помощью традиционного метода генеалогии (родословия). Этот писатель взял одну из древнейших генеалогий, которая имелась в Месопотамии, и построил на ней связь поколений допотопного мира. Среди этих предков седьмым именуется Енох. О нем сказаны загадочные слова – что Бог «взял его от земли». В поисках ответа на эту загадку толкователи обратились к древним легендам Месопотамии, и выяснилось, что там один из царей, так же седьмой царь древней

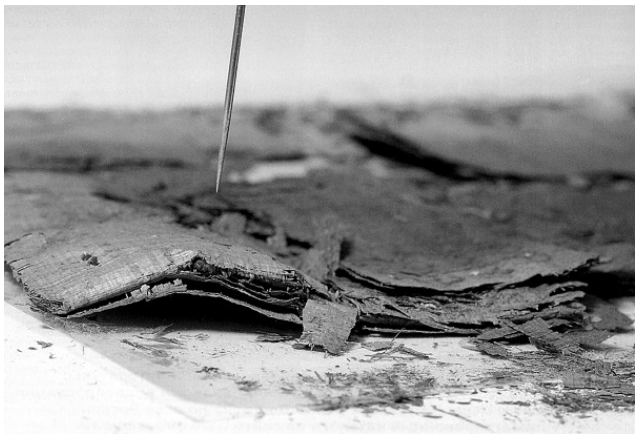
генеалогии, был вознесен в чертог бога Солнца и ему было показано строение Вселенной. Вот этот древний образ путешественника в космос и отразился в образе библейского Еноха. Но ветхозаветный автор не вдается в эти подробности, он как бы походя упоминает, что такой-то человек имел удивительную судьбу. Все! Это деталь, она лишь проскакивает в повествовании. Иное дело – автор апокрифа.

Апокрифов Еноха имеется несколько. Наиболее древний называется «эфиопским», потому что сохранился в эфиопском переводе. Но он также имеется и в армянском, греческом и других переводах. Есть краткий славянский апокриф Еноха, который сохранился в древнерусской версии.

Мы обратимся к этой славянской версии. О чем она говорит? Она говорит именно о том, о чем повествует древняя вавилонская легенда: праведный Енох поднимается Богом куда-то на седьмое небо (весь мир построен как бы в виде ступеней или концентрических кругов; заметим, что это напоминает нам вавилонские башни с их семью ярусами). И там он видит структуру Вселенной. То есть то, что Библия не хотела давать людям, в апокрифе дается.

Библия не хочет давать человеку познание научное, рациональное, потому что для этого познания человеку достаточно иметь разум и опыт. Для этого не нужно Откровение, для этого не нужно Священное Писание.

Для этого нужны естествознание и другие отрасли науки. А автор «Книги Еноха» хочет (это одна из ранних попыток) превратить это восхождение древнего человека на небо в некоторого рода небесную космическую географию. Там излагается устройство семи небесных сфер. Енох созерцает и ангелов, и звезды, видит, где праведники, где грешники. Таким образом, енохическая литература является предтечей Данте и других средневековых сказаний о загробном мире.



Разделение папирусных страниц

Но я уже подчеркнул, что эта любознательность идет вразрез со Священным Писанием. И поэтому не случайно и не удивительно, что книга, которая выдавалась за произведение древнего Еноха (а кто тогда мог отличить древнее от нового – и сейчас-то историки не всегда могут разобраться, а тогда люди обладали значительно меньшим критическим чутьем), была отвергнута. Не потому, что она показалась анахронической или исторически сомнительной, а потому, что она входила в те области, которые Священное Писание обходило. Это была устаревшая космология, устаревшая космография, которая представляет для нас теперь только некий ретроспективный интерес.

К тому времени канон Священного Писания был сформирован уже почти полностью. Первые пять книг Библии – Тора, или Закон, или, по-славянски, Пятикнижие, – уже были твердо зафиксированы. Книги пророков, в том виде, как они существуют, тоже были канони-

зированы. Но третья часть – Агиографы, или Писания Мудрецов, куда входит и Псалтирь, и другие книги (мы их в церковнославянской традиции называем «Учительными книгами»), – этот сборник еще формировался, и апокрифы претендовали туда войти. Но они не были туда допущены, и это вовсе не придирка слишком щепетильных книжников, а некое таинственное чутье, которое точно определило, чему не надлежит быть в Священном Писании.

А вот еще одна тема из Книги Еноха, но уже другой, так называемой «эфиопской» (напомню, что книга была написана на арамейском или еврейском, но мы имеем ее в эфиопском переводе). Это тоже примерно II–I вв. до Р. Х. Там дается беллетристическое толкование одного странного места из Книги Бытия, о котором я уже рассказывал. В 6-й главе Книги Бытия, когда говорится о катастрофе человечества, о его нравственном падении, сказано, что ангелы, сыны Божии, полюбили дочерей человеческих. И от брачного союза между ними родились гиганты, исполины. Эти исполины создали цивилизацию, которая оказалась настолько гнусной, что в конце концов потоп ее разрушил. Кратко сказано, всего несколько строк. И уже тогда людей волновало, что же это за таинственные сыны Божии, которые пришли к дочерям человеческим? (Когда мы с вами будем говорить о литературе XIX в. и Библии, мы коснемся мистерии Джорджа Байрона «Небо и Земля», где драматически интерпретируется этот рассказ в свете и Библии, и, главным образом, Книги Еноха.)

Книга Еноха пытается дать свой ответ на извечный вопрос о начале зла, о его первопричине: кто первый захотел стать спиной к Богу? Ведь зло – это не какой-то предмет, какое-то начало, какая-то стихия; зло – это когда существо, имеющее волю, поворачивается от жизни к смерти, от бытия к небытию, от добра к противлению. Где начало? Библия говорит об этом всегда очень коротко, очень скупо… И, наверное, это не случайно. А вот автор Книги Еноха (эфиопской) рассказывает нам целую эпическую историю о том, как ангелы, небесные существа, стали спускаться на землю, учить людей магии, учить их выплавлять железо, открывать естественнонаучные секреты. Они полюбили женщин, вошли в контакт с людьми. Что-то подобное Прометею есть в этих сынах Божиих, которые как бы похитили с неба огонь, принесли на землю, чтобы облагодетельствовать людей, но вместо этого научили их злу – потому что сама их воля была направлена на нарушение божественной заповеди. Начало магии и есть источник зла, грехопадения человечества. Так рассказывает нам Книга Еноха.

В апокрифических книгах Ветхого Завета колоссальное напряжение эсхатологии, колоссальное ожидание конца света! Это было время, когда мир, подобно сегодняшним дням, ждал мировой катастрофы, думал, что история заканчивает свои круги, что течение истории кончилось. И возникают целые поэмы: «Вознесение Моисея», «Апокалипсис Варуха», «Книга Адама и Евы», – все они говорят о том, что человек оказался совершенно непригодным творением Божиим и скоро все закончится, разрушится и восторжествует только правда Божия.

В этой апокалиптической поэзии есть много волнующего, много подлинного предчувствия того, что скоро наступит новая эра. И ведь, действительно, приближалось явление Христа! Но они представляли себе это в виде каких-то грозных катаклизмов. И вся эта апокалиптическая литература волновала народ, вызывая в нем ожидание страшных дней конца.

Но произошло совсем иное: явился Господь, не потрясая небо и землю, а пришел, как предсказывали пророки, «не имея ни вида, ни величия», не действуя насилием, не привлекая ложными или просто эффектными чудесами. Наступает эпоха Радостной Вести – Благой Вести евангельской.

Подобно библейским книгам, новозаветные книги написаны с такой же лаконичностью, с таким же целомудрием, такой же осторожностью. И мы не найдем в описаниях смерти Христа возгласов народного поэта, который бы сказал: «О Ты, умирающий на древе…». То, что мы находим в народной поэзии, в древнем эпосе, – ничего этого нет. Сухо, строго, почти протокольно описывается распятие, смерть Христа. Никаких украшений, никаких преувеличений, никаких попыток проникнуть за завесу непостижимой тайны.

Войдя сегодня в любой храм, вы увидите за престолом в алтаре икону Воскресения. Эти иконы появились с ренессансного времени, когда художники стали изображать воскресшего Христа. А ведь в древности Его не изображали. Потому что это была тайна! И она остается тайной. Ни один из евангелистов не изобразил Христа воскресшего. Это очень важно. Древнерусские иконописцы всегда дают нам символическую картину сошествия во ад, но не воскресение, не выход Христа из могилы – так, как мы находим это в западном искусстве, а потом в русском искусстве нового времени: разверзся гроб, Христос выходит из гробницы. Это натуралистическое изображение далеко отстоит от бережности евангельского отношения к тайне.

Но не такими были апокрифы. Апокрифы, повторяю, создавались любознательностью, воображением, творчеством людей.

Нередко в антирелигиозной литературе, и вообще в исторической литературе, можно найти следующие замечания: что Церковь сурово расправлялась с раннехристианскими Евангелиями, апокрифами, уничтожая их и отбирая только те, которые соответствовали ее взглядам. В какой-то степени это верно. Да, отбирали. И отбирали то, что соответствовало. Но давайте посмотрим, что же получилось в результате этого отбора.

Вот перед нами апокрифические Евангелия. Они все-таки сохранились. Более того, они бесконечное количество раз переводились почти на все древние языки, на все языки, на которых говорили в Средние века. Весь цивилизованный мир Старого света читал эти апокрифы на своих языках! В библиотеке Соловецкого монастыря ученые еще в прошлом веке нашли огромное собрание этих апокрифов, и оказалось, что кроме ветхозаветных апокрифов, о которых я уже говорил, там масса новозаветных, написанных в первые века христианства. Тех самых, которые назывались «отреченными», которые считались неканоническими, считались псевдописаниями. Однако их любили и сохраняли. Потому что это была литература, древняя художественная литература.

Самое раннее из них – Евангелие Иакова. Его иногда называют протоевангелием, потому что ученый, обнаруживший эту книгу, считал, что это Евангелие самое древнее. Евангелие Иакова написано в Египте, по-видимому, в начале или середине II в. Во всяком случае, существует египетская рукопись этого Евангелия, которая относится к 200 г., а может быть, и ранее.

О чем повествует эта книга? О том, о чем молчат евангелисты: о юности Девы Марии, о Ее родителях – Иоакиме и Анне (Евангелия ведь не называют имен Ее родителей). Рассказывает о том, что Иоаким и Анна были бездетными, а это считалось тогда знаком Божьего гнева. И вот однажды Иоаким пошел в храм приносить жертву вместе со всеми, а его оттолкнули и сказали: «Ты последний грешник, у тебя и детей нет». И он настолько огорчился этим, что не вернулся домой, а пошел в пустыню, сидел и плакал там. И тогда ему явился ангел и сказал: «Не плачь, потому что у тебя родится дивная Дочь». Слух об этом событии в храме дошел до Анны, она была дома. Убитая горем, она вышла в сад, и тут (а была весна), как назло, перед ней дерево, а на дереве гнездо, а в гнезде – птенцы, и птицы их кормят. И она сказала: «Господи! Даже птица имеет своих детей, а я – бездетна!» И вот, когда она плакала, явился ангел и сказал: «Анна, не плачь! Ваша молитва услышана, терпение ваше вознаграждено: у вас родится Дочь, вы назовете Ее Марией. Она будет самой великой и прекрасной из всех! Вы должны посвятить Ее Богу».

И рождается у них девочка. Называют Ее Марией. И отдают Ее в храм. (Согласно апокрифу, при храме тогда существовало что-то вроде монастырей для девочек. Ничего этого не было в истории, это беллетристика, но беллетристика, которая пыталась увидеть за Евангелием то, о чем там не сказано.) Причем, когда родители подвели Ее к ступеням, ведущим к зданию храма (Она была трехлетним ребенком), оттуда вышел священник Захария. И девочка, вместо того чтобы побежать от чужого человека, поднялась по ступенькам к нему навстречу. Он Ее взял и, по велению Божию, повел внутрь святилища, куда никто, кроме священнослужителя, никогда не входил. А потом ввел Ее в Святая Святых, где обитал невидимо Дух Божий, где некогда стоял Ковчег Завета, – за завесу. Конечно, простой священник не мог туда войти: пер-

восвященник входил туда только раз в год; и, конечно, он не мог туда никого ввести. Но для нас это неважно. А важен смысл легенды. Потому что Дева Мария является как новый Божественный храм! И Она уже Сама становится Святая Святых! Она входит туда, потому что Она имеет право, ибо Она – будущая Мать Избавителя.

А потом Ее оставляют при храме, где Она расшивает драгоценные завесы. И однажды Ей является ангел, и совершается тайна Благовещения: ангел возвещает Ей, что у Нее должен родиться Сын по имени Иисус, Который принесет спасение миру. Но Она должна выйти за кого-то замуж, чтобы не быть в глазах людей униженной. Кто-то должен стать нарицаемым отцом Ее будущего

Ребенка. И вот священник собирает народ, и люди решают, кто же это будет. И, по древнему обычаю, как бы мечут жребий – ставят посохи. И, как в сказании о Моисее и Аароне, посох плотника Иосифа, старца из Назарета, расцвел. Из сухого дерева появились живые побеги. Он-то и стал мужем Марии, хотя у него были взрослые дети, и среди них – Иаков, от лица которого ведется это повествование.

Эта история наконец насытила и любопытство, и воображение, и желание заглянуть туда, в эту тайну, в которую евангелисты нас не пустили. Здесь работало воображение людей. Это литература, которая потом отразилась на другой огромной литературе – на нашей древней церковной православной поэзии и потом на всей христианской поэзии Средних веков. И, наконец, на искусстве. Потому что те из вас, кто помнит произведения Дионисия, Джотто и многих других мастеров, знают, что они шли по той канве, которую им подсказало апокрифическое Евангелие Иакова. Более того, наш праздник Введение во храм Пресвятой Богородицы построен на этом апокрифе. Пусть он и не принят Церковью в число Писаний как произведение богодухновенное и достойное доверия, но это была не осужденная книга, а книга, являющаяся частью христианской литературы, частью христианской культуры в широком смысле слова: включая богослужение, поэзию, живопись, пластику (есть немало средневековых скульптур на эту тему).

От Евангелия Иакова перейдем к другому Евангелию, которое называется Евангелие Фомы Израильтянина или Евангелие Фомы – израильского философа. Оно тоже было написано в Египте около II в. после Р. Х. И тоже стремилось заглянуть туда, куда евангелисты нас не особенно пускали, – в детство Иисусово, угадать, увидеть, каким Он был. Как сказал один философ, каждый человек есть дитя своего детства. Один писатель сказал, что все мы в конце концов возвращаемся к своему детству. То, что в нас закодировано изначально, в детстве, то, в общем, с нами всегда и будет. И поэтому так интересно, так важно было узнать: каково же было детство Самого Христа? Так манила эта загадка, эта тайна! Каким Он был?

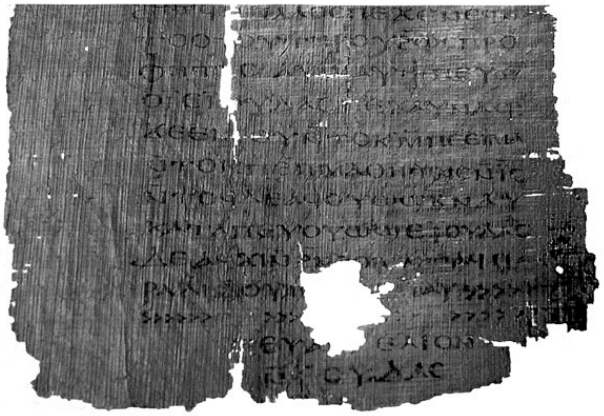
Но, увы, писатель, создавший книгу Евангелие Фомы-философа, обладал, по-видимому, воображением не возвышенным. Перед нами появляется отрок очень жестокий, превозносящийся перед своими сверстниками. На каждом шагу он творит чудеса, иногда совершенно нелепые. Например, в субботний день, который считался днем покоя, отрок Иисус лепит на берегу ручья из глины птичек. И когда ему старшие говорят, что это безобразие, что он нарушает закон, Иисус хлопает в ладоши и эти глиняные птички улетают. Неоднократно он очень сурово наказывает своих обидчиков или тех, кто, как ему показалось, его обидел: один засох, у другого засохла рука, третий упал мертвым на месте. Все в Назарете были терроризированы этим отроком. Автору этого, надо сказать, весьма популярного, к сожалению, произведения не приходило в голову: почему же жители Назарета были так потрясены, когда Господь Иисус вышел на проповедь! Почему они сочли Его безумным и хотели скрутить Ему руки и увести Его? Почему они не хотели верить Ему, если Он с детства поражал всех Своими чудесами? Очевидно, автор книги над этим не задумывался. Ему хотелось видеть, что Христос всегда умел за Себя постоять и, когда Его обижали сверстники, Он мог им так ответить, что от них пыль оставалась. Все это говорит не о Христе, не о Евангелии, а о характере этого писателя

– как каждое произведение, естественно, связано с душевным миром его автора. Но, по-видимому, такого типа душевный мир – не редкость, иначе эта книга осталась бы незамеченной или, по крайней мере, не дожила бы до нашего времени. А ее переписывали, переводили, распространяли по всему миру в те догуттенберговские времена, так что она дошла и до Кавказа, и до Руси, и до нашего времени. Более того, с нее писалась масса всевозможных подражаний. Было много Евангелий детства, но все они доверчиво повторяли сказки этого первого Евангелия Фомы.

Подчеркну, что под таким же названием – Евангелие Фомы – была другая книга, в которой содержались древние изречения Христа. Это произведение совсем иного типа. Появляются и другие книги, в которых мы находим сборники изречений Христа. Но это не совсем беллетристика. Это уже серьезные притязания дополнить Евангелия. И дополнить не воображением, не художественными, в кавычках, подробностями, а какими-то серьезными, этическими, доктринальными моментами. Так появляются Евангелие Фомы, Евангелие Филиппа, Евангелие истины и множество других Евангелий.

Вероятно, некоторые из вас хотят спросить, существует ли все это в русском переводе. Существует. Эта литература изучалась не только за рубежом, в России тоже были специалисты по апокрифам. Ветхозаветные апокрифы изучал протоиерей Александр Васильевич Смирнов из Казани; новозаветные апокрифы выходили в переводах человека, укрывавшегося под псевдонимом или эмблемой «Вега» (это примерно период Первой мировой войны); известный специалист по древнерусской литературе Иван Яковлевич Порфирьев собирал и издавал древние апокрифы, которые находил в библиотеках монастырей. В настоящее время апокрифы переводит Сергей Сергеевич Аверинцев, наш известный замечательный историк культуры; новозаветные апокрифы готовит к изданию Ирина Сергеевна Свенцицкая, доктор исторических наук. Пока отдельные тексты напечатаны в журнале «Наука и религия», который в значительной степени изменил свой прежний залихватский и разоблачительный характер и стал печатать более объективную информацию о культуре

и религиозной жизни. Там уже напечатано несколько апокрифов. К тому же Свенцицкая написала книгу «Тайные писания древних христиан», где есть очерк о новозаветных апокрифах. Эта книга вошла в ее труд «Раннее христианство», который вышел в 1987 г. Так что любой из вас, кто пожелает, может ознакомиться с основными апокрифами в русском переводе.



Титульная страница Евангелия от Иуды

Должен подчеркнуть, что, когда ученые стали сравнивать изречения Христа в Евангелии с теми, что находятся в этих сборниках изречений (их называют «Логии», что значит «Слова»), то оказалось, что в них нет ничего качественно нового: в большинстве случаев это явно вторичная литература, перепевы того, что уже есть в Евангелиях. Встречаются только отдельные

яркие изречения. Например, Христос в одном из таких Евангелий говорит: «Мир – это мост», то есть через него надо пройти. Или Он говорит: «Кто близ Меня – близ огня, но кто далек от Меня, – далек и от Царства». Слова хорошие. В истории с богатым юношей (я надеюсь, она знакома вам всем) апокриф дополняет евангельский текст. Когда богатый юноша говорит: «я соблюдал все правила закона», Иисус ему отвечает: «ты в своем дворце живешь, а бедные люди, дети Авраама, живут в нищете, и ты считаешь, что соблюдаешь все заповеди? Иди, раздай все нищим и следуй за Мной как праведник». Это поворот, действительно, может быть, взятый из древнего устного предания. Эти Евангелия изречений важны именно потому, что в них мы можем найти отголоски древних преданий (эти тексты все-таки очень древние).

Известный русский писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский, автор нашумевшей трилогии «Христос и Антихрист», знаменитой работы «Лев Толстой и Достоевский», человек, сочинения которого перед революцией насчитывали уже свыше двадцати томов, к сожалению, на долгое время спрятанный от нашего читателя (а сейчас, я надеюсь, он снова вернется в нашу литературу), в начале 30-х гг. написал большую книгу о жизни Христа «Иисус Неизвестный». Он тщательнейшим образом (а это был человек огромной культуры и знаний) исследовал эти изречения Христа из апокрифических Евангелий и пытался сделать что-то неведомое. «Иисус Неизвестный» – это как бы новое лицо Христа через апокрифы. (Надеюсь, мы с вами еще доживем до того времени, когда многие из вас смогут прочесть эту книгу. Она издана в Белграде в 1932 г. очень небольшим тиражом и больше не переиздавалась.)

Попытка не удалась. Не удалась она потому, что наши четыре канонических Евангелия бесконечно, я бы сказал, абсолютно превосходят всю апокрифическую литературу вместе взятую. Какой литературный вкус, какое критическое чутье, какие научные данные могли руководить церковным сознанием того времени? Ничего этого не было! А было действие Духа, который безошибочно подсказал им, что является бессмертным.

Один из крупнейших ученых, который исследовал апокрифы, писал с удивлением: непонятно, как такие литературные плевелы могли расти почти одновременно с нашими Евангелиями! Уникальность новозаветной литературы – подлинной, канонической, – уникальность Евангелий еще яснее предстает перед нами, когда мы сравниваем их с этой околоевангельской, парабиблейской литературой тех времен.

Конечно, многое создавалось не просто от графоманского зуда или от желания беллетризировать ситуацию, как-то представить ее более конкретно. Были и глубокие идейные мотивы. В то время, в конце I – начале II вв., в христианстве и вокруг христианства появились многочисленные гностические теософские учения. Их обобщала, соединяла, при всей их разнообразности, одна идея: что материя, плоть, природа, мир – это все от дьявола. От Бога только Дух. И вот гностики (они называли себя гностиками, «знающими») и начали перекраивать и переписывать Евангелия заново, на свой лад. В древнейших апокрифических Евангелиях Страстей мы читаем, что Христос страдал на кресте, но это только казалось – потому что Он не страдал. У Него не было плоти, это только казалось! И вообще, говорил один из гностиков II в., Маркион, Он не рождался, как рождаются все дети: Он просто сошел с неба в город Капернаум в 15-й год правления Тиберия. И чтобы это доказать, Маркион просто отрезал первые две главы Евангелия от Луки и начал с третьей, с таких слов: «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря вышел Иисус…» Значит, не надо плоти, не надо жизни, не надо истории, не надо предыстории, не надо Ветхого Завета, а только проповедь Духа – Духа, Который себя потерял, блуждая в материи, и надо вернуть его обратно. И вот этот гностический Христос с призрачной плотью, с призрачным страданием, который пришел в мир только для того чтобы открыть людям, что в этом мире вообще не стоит жить, а лучше как можно скорее его покинуть через духовное созерцание, – Онто и является главным героем большинства апокрифических Евангелий.

Некоторые из них звучат красиво. Некоторые очень напоминают наши канонические Евангелия. Но апокрифы – не соперники им, потому что гностические Евангелия все главное берут из наших канонических, но легким поворотом пера (талантливым, я скажу, поворотом) настраивают эти изречения на другую волну. Вместо Богочеловеческого Святого явления в этом обычном мире – призыв к бегству, призыв к развоплощению! Христианство, Евангелие, утверждающее инкарнацию, воплощение божественного в природе, здесь подменяется развоплощением, уходом. И тот факт, что эта тенденция продолжала играть огромную роль в истории литературы, в истории Церкви, в истории европейской цивилизации, объясняет нам, почему эта литература не только сохранилась, а была столь популярна. Ибо, когда гностики исчезли как организованные группировки, им на смену пришли организации другого типа – альбигойцы в Европе, манихеи в Персии, павликиане в Болгарии, волхвы в Древней Руси. Не думайте, что волхвы – это просто древние маги и дикие язычники. Нет, они были дуалистами, они усвоили манихейское учение, взятое из Болгарии (там оно называлось богомильством). Ведь вы знаете, что христианство на Руси очень многое заимствовало из Болгарии – не только из Греции, но и из Болгарии. Но оттуда же пришло и дуалистическое миросозерцание, отрицающее плоть и мир. И вместе с этим отрицанием шли вот эти тексты – шли, находили своих переводчиков, внимательных трудолюбивых переписчиков и многочисленных читателей.

Сегодня мы можем сказать, что апокрифическая литература является ярким и интересным, волнующим эпизодом в истории духа. От тех древних битв, когда за 170 лет до Р. Х. люди Ветхого Завета стремились сохранить свою святыню перед лицом наступающей цивилизации эллинизма, до того периода, когда соблазны дуализма, спиритуализма пытались проникнуть в недра христианства и увести его со столбовой дороги, – все эти духовные столкновения, духовные поиски, духовные проблемы так или иначе были отображены в апокрифической литературе.

Я еще раз подчеркиваю, что апокрифы, созданные уже сознательно в новое время, я здесь не упоминаю. Я буду говорить о них тогда, когда мы будем касаться XIX и XX веков. Я говорю сегодня о древних апокрифах. Они есть создание культуры. Они отражают только сознание, поиски, фантазию людей. И когда мы ставим их рядом с каноническими Евангелиями, мы видим, что в этих апокрифических Евангелиях есть и история, и авторские особенности, и элементы авторского воображения, и язык. Но они – несравнимы. Ибо в отличие от апокрифов, которые отразили историю человечества, настоящие четыре Евангелия отразили Христа, отразили Богочеловека, отразили тот свет, который идет от Него. И поэтому они оказались настолько непохожими, настолько превосходили всю ту литературу, которая как бы копошилась вокруг них. Они подлинны! Гете говорил, что для него Евангелие подлинно потому, что в нем, как солнце, светит образ Христа. В апокрифах он так не светит, или свет этот очень приглушенный, очень затемненный.

Вот почему, дорогие мои, когда мы с вами из любопытства или в поисках каких-то действительно сокровенных знаний, какого-то тайного христианства (сейчас часто говорят об эзотерическом христианстве) начинаем обращаться к этой литературе, мы должны помнить, что эта литература – только памятник, только свидетельство о человеческих поисках. Она содержит в себе блуждания и заблуждения, вопрошания и ошибки человека. А Евангелие содержит в себе ответ. Ответ ясный, не предназначенный для узкой аудитории избранных, ответ, который предполагает избранным каждого человека, у которого есть искреннее желание постичь истину, у которого сердце открыто к ней.

Естественно, человек может быть более продвинутым или менее продвинутым. Но нет людей, для которых истина была бы закрыта полностью. Поэтому все то, что в Евангелии кажется нам тайной, рано или поздно, если мы будем двигаться по его пути, станет ясным. Здесь нет никаких секретов, а есть только бесконечное приближение к прекрасному, священному, божественному, воплощенному в нашем земном, человеческом – в подлинной евангель-

ской литературе, в душах евангелистов, в том, как мы встречаемся с ними, а через них – с Тем, Кто изображен в Евангелии.

Библия и древнерусская литература

Сегодня мы начнем разговор о Священном Писании в русской литературе. Вы знаете, что вместе с христианством во время процесса крещения Руси на нашу землю пришла и великая Книга, которую обычно называют Книгой Книг. Это было очень важное событие, потому что на Руси уже в первое десятилетие после крещения было немало грамотных людей. Распространение духовности не могло идти только через устное слово и через внешний символ. Нужна была книга. И вот эта Книга пришла.

Большим благословением и счастьем явилось то, что уже за столетие до традиционной даты крещения Руси Библия была переведена на церковнославянский язык. Не полностью, не целиком, но в тех ее главных частях, которые употреблялись во время богослужения. Существовали три типа библейских сборников: *паремийники*, включавшие в себя ветхозаветные тексты, которые читаются за всенощным бдением, *апракосы,* то есть тексты Нового Завета, расположенные в том порядке, в каком их читают в течение всего церковного года (а не в том порядке, как они были написаны и входили в канон), и Псалтирь. Это были первые важнейшие части Библии, переведенные на церковнославянский.

Мы не знаем в точности, кто были переводчики. Кирилл и Мефодий начали это дело. Вернее, Кирилл начал, после его кончины Мефодий продолжил, а потом неведомые нам труженики продолжали эту работу. И поэтому в X в. уже существовала почти полная славянская Библия. Приход ее означал вхождение в сознание людей целого мира веры, надежд, идей, культурных горизонтов, исторических перспектив и воззрений. И естественно это не могло остаться без последствий для развития литературы.

Распространение Библии было особенно важно в связи с тем, что крещение киевлян произошло сравнительно быстро – это была ломка. От первых рассеянных по Киевской державе небольших групп христиан до торжественного крещения жителей Киева при Владимире процесс происходил подспудно, постепенно, но потом он стал набирать необычайную скорость. Очень скоро после крещения Руси, при Ярославе Мудром, в Киеве уже стоит собор, который может соперничать с лучшими соборами Восточной Европы. Уже есть огромная библиотека, есть множество книжных людей, идет интенсивная культурная работа. Это произошло на протяжении жизни двух поколений. И такая стремительность обязательно требовала Книги, писаного слова.

Что же мы находим в этой Книге важного для литературы и истории? Прежде всего, особый, духовный, мистический историзм – восприятие жизни человечества как некой драмы, цельной драмы, которая имеет завязку и направление. Об этом свидетельствует очень древний текст, который условно называется «Речь философа». Этот текст вставлен в «Повесть временных лет», дошедшую до нас в Лаврентьевской летописи, в нем рассказано о том, как князь Владимир размышлял, какую религию сделать государственной в Киевской державе. «Речь философа» содержит в себе удивительную по выразительности, лаконизму и глубокой насыщенности краткую схему всей библейской истории.

Надо было уже владеть немалым литературным мастерством, чтобы огромный эпос Библии изложить на двух-трех страницах. Там говорится и о самом принципиальном – основании мира: Бог творит мир в течение определенного периода; Бог создает человеческий род; Бог создает его как кровное единство.

Заметим, что «Повесть временных лет» начинает свою историю не просто с какого-либо события отечественной истории, а начинает с библейского родословия народов. В десятой главе Книги Бытия, первой книги Библии, вы найдете скучную для непосвященного таблицу, где перечисляются различные народы, преимущественно Древнего Востока и Средиземноморья. Зачем в священной, религиозной книге мы видим эти бесчисленные, причудливые для нас

имена, названия племен, колен, городов, народов? А это особый прием, свойственный языку Библии: это знак, сигнал о том, что человечество есть одна целостная семья и что группы народов, которые здесь перечисляются, происходят от трех братьев – Сима, Хама и Иафета. И дальше библейские авторы перечисляют множество народов, которые потом входят в пролог «Повести временных лет».

Нестор-летописец *В. М. Васнецов.*
Эскиз-вариант росписи Владимирского собора в Киеве

Для самого повествования преподобному Нестору Печерскому (или тому летописцу, который этот текст писал, – мы не всегда точно знаем, что принадлежит одному или другому летописцу) было важно начать не просто, скажем, с основания Киева, а начать с предыстории народов. И указано, что семьдесят два народа лежат в основе человечества. Это условная священная цифра. В Библии многие цифры священны условно. Например, семь означает полноту. В Иерусалимском Храме до его разрушения в определенные дни приносилось семьдесят две жертвы – за каждый народ Земли. Фактически, несмотря на разделения, конфликты и взаимонепонимания, эта идея единства человечества была очень древней и исключительно смелой. Крупнейший русский специалист по Древнему Востоку Борис Александрович Тураев писал в своей книге, что Библия дает уникальный образец сознания единства человечества в ту эпоху, когда почти каждый народ человеком называл только представителя своего племени, а иные люди – это были уже потомки дьявола или дети каких-то злых богов, и это вполне понятно, потому что первобытному человеку свойственна боязнь чужого. И вот эту смелую библейскую идею о том, что все мы, люди, кровно связаны между собой, древний летописец делает преамбулой к истории своего княжества, славянских племен, своего государства и народа.

Я рекомендую каждому из вас найти «Повесть временных лет» – она у нас издавалась неоднократно, она вошла и в сборник Библиотеки всемирной литературы, и в серию, издающуюся под редакцией Д. С. Лихачева, и во многие другие издания, – и прочесть там «Речь философа» перед князем Владимиром. Конечно, эта речь изложена не философским языком. Это картина, более того, я бы сказал, что это икона истории: там все слегка упрощено, но это то, что западает в душу, которая начинает искать истину.

В чем же тут смысл? Для древних греков, для древних индийцев, для многих языческих народов истина была великой тайной, и остается таковой поныне: это тайна, которая скрыта за миром явлений. Но Библия открывает нам нечто иное: что история имеет священное значение для человека, что история есть то лоно, в котором замыслы Божии осуществляются. Поэтому она не безразлична, не маловажна, не есть что-то преходящее. Она – то пространство, где осуществляется великий диалог между человеком и его Творцом.

Историзм Священного Писания… Удивительно, что отцы истории, такие как Геродот, Фукидид, этого не знали. Они были почти летописцами, они просто изображали цепь событий, которые цеплялись друг за друга, а иногда казались изолированными. У них не было представления о том, что история имеет вектор.

Почему так было? Потому что человек ориентировался в древности на природу, а в природе нет вектора. В природе все вращается, все приходит на круги своя. Вот сейчас желтеют осенние листья, но мы с вами знаем, что приближаются зимние холода, потом будет опять весна, потом опять лето – и так вновь и вновь. И древний человек видел это неизменно, почти в любом поясе Земли. Даже в тех регионах, где климат сезонно не очень колеблется, двигались светила, утром всходило солнце, вечером оно обязательно садилось, менялись фазы Луны – все было статичным или вращалось по кругу. И поэтому весь мир естественно воспринимал бытие на Земле как статическую картину. И только Библия пробивает здесь брешь. Не потому, что ее писали какие-то особые философы, которые додумались до иной модели – так сказать было бы неверно. Они приняли это как Откровение, как прорыв чего-то иного, что даже им самим было не очень понятно. Но уже усвоив и приняв эту концепцию, они пронизали ею все дальнейшие Книги, и можно сказать, что от Бытия до Апокалипсиса Библия разворачивается как великая историческая поэма. Поэтому «Речь философа» – это не афоризмы, не какие-то статичные догматы, а эпос, рассказ, сюжет. Творение мира – благость Божия. Противление человека, который благодаря своей свободе может повернуться к Богу спиной, катастрофы, которые этим порождаются. Постепенно Бог выводит человека из этой темноты и ведет его к явлению света. Откровение, данное Аврааму. Авраам еще ничего не знает, он не знает, что произойдет. Он только призван на какое-то таинственное дело. Но именно потому, что он верит

Богу, он идет и закладывает основание ветхозаветной Церкви. Это великая фигура, которая потрясала людей многие столетия. Авраам пошел в неведомое, но он знал, что есть какая-то цель. И история Ветхого Завета становится подготовкой к явлению Христа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.